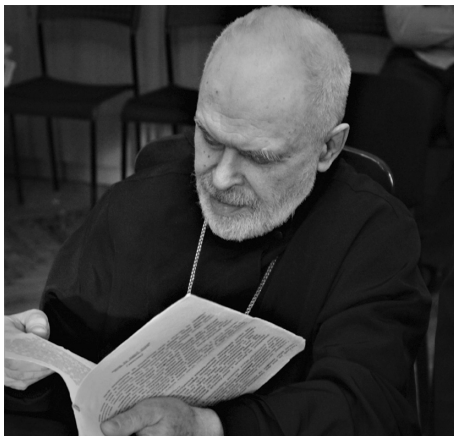

«ДЛЯ МЕНЯ ВСЕГДА НЕПРЕВЗОЙДЕННЫМ ОБРАЗЦОМ БЫЛИ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЖУРНАЛЫ»

*Беседа с протоиереем Владимиром Мустафиным,
главным редактором «Христианского чтения» в 1993–2008 гг.*

27 лет назад, в 1993 г., главным редактором «Христианского чтения» был назначен протоиерей Владимир Мустафин, ныне профессор кафедры богословия, Почетный доктор (honoris causa) Санкт-Петербургской духовной академии¹. За 15 лет, которые о. Владимир провел в этой должности, было издано 22 номера журнала. О «Христианском чтении» тогда и сегодня, о пятнадцати годах работы редактором с отцом Владимиром беседует директор Издательства СПбДА Д. В. Волужков.

— Отец Владимир, давайте начнем по порядку. В 1993 году Вас назначили главным редактором «Христианского чтения». Как это произошло?

— У нас был Ученый совет — который в то время регулярно собирался, — присутствовали ректор и все преподаватели. И как раз обсуждались вопросы организации журнала. Насколько я помню, тогда рассматривались различные кандидатуры и мою предложил прот. Александр Ранне. Для меня это было не то чтобы неожиданно, но я даже и не думал об этом...

— Когда Вас выдвигали на эту должность, чем это аргументировалось? Почему выбрали именно Вас?

— Я всегда считался «книжником», даже в свое время заведовал библиотекой. Думаю, именно по причине общего представления и репутации «книжника» я был поставлен редактором. Хотя я всегда считал себя номинальным главным редактором.

— А кто тогда был реальным редактором?

— В большей степени, вероятно, ректоры. Отец Василий Стойков², например.

¹ Протоиерей Владимир Файкович Мустафин родился 21 апреля 1942 г. в г. Молотовобад Таджикской ССР. После окончания средней школы с 1959 г. несколько раз пытался поступить в Ленинградскую духовную семинарию. Попытки увенчались успехом в 1964 г. В 1968 г. окончил Ленинградскую духовную семинарию. В 1973 г. окончил Ленинградскую духовную академию со степенью кандидата богословия. 4 ноября 1967 г. рукоположен в сан диакона, 6 июня 1976 г. рукоположен в сан пресвитера митрополитом Ленинградским и Новгородским Никодимом (Ротовым). В 1973–1976 гг. обучался в аспирантуре при Московской Духовной Академии, затем преподавал в ней же. Специализация — основное богословие, история философии. В 1977–1979 годах возглавлял аспирантуру при ОВЦС. С 1979 г. по настоящее время преподает в Ленинградской (с 1991 г. — Санкт-Петербургской) духовной академии. 20 марта 1985 г. утвержден в звании доцента. 11 сентября 1985 г. утвержден в звании профессора. С 23 января 1985 г. по 1 сентября 1987 г. был заведующим библиотекой ЛДАиС. Настоятель храма св. Параскевы Пятницы в поселке Красный Бор (Ленинградская область).

² Протоиерей Василий Иванович Стойков (1929–2020) — в 1992–1993 гг. исполнял обязанности ректора СПбДАиС, в 1993–1996 гг. — ректор Санкт-Петербургских духовных академии и семинарии.

— И отец Василий был реальным главным редактором?

— Я думаю, в гораздо большей степени, чем я.

— То есть отец Василий реально занимался журналом?

— Что значит заниматься журналом? Заниматься журналом — значит предлагать статьи, которые там могут быть опубликованы. Я тоже предлагал тексты, которые там могут быть, но этим моя деятельность, впрочем, и ограничивалась.

— Я как раз выписал, кто при Вас впервые появился в журнале: будущий митрополит Иларион (Алфеев)³, будущий протоиерей Димитрий Юревич⁴, Дмитрий Андреевич Карпук⁵, будущий священник Игорь Иванов⁶...

— Да, это так... Вот такая и была эта работа — искали тексты, которые должны были быть напечатаны в журнале, чтобы с ними могли ознакомиться читатели.

— А после отца Василия был владыка Константин?

— Да-да, владыка Константин⁷ в гораздо большей степени этим занимался. Потому что он, когда был в Беларуси, занимался и литературной деятельностью, писал фельетоны под псевдонимом... То есть Владыка Константин был приспособлен к этому в большей степени. Он больше отдавался этой деятельности, она его увлекала. Я, например, не всегда понимал, какие тексты в журнал помещать и где их брать, считал, что можно брать какие-то тексты из дореволюционных журналов и помещать их [в журнал] в качестве первоисточника. Однако тогда кто-то обратил на это внимание и сделал замечание, что наша деятельность ограничена и что это одни лишь перепечатки.

— Как же отбирались статьи для публикации после этого?

— Их согласовывал ректор. И номера составлял владыка Константин.

— В чем тогда заключалась Ваша функция?

— Убежден, что моя функция была больше номинальной, я числился редактором, [в журнале] помещалось мое имя. Впрочем, одна из моих функций заключалась в том, чтобы выбрать и поместить [в журнал] тексты ученических сочинений. Я хотел, чтобы они были там. Помню, было написано очень хорошее сочинение теперешним отцом Димитрием Лушниковым⁸...

³ Иларион (Алфеев), иером. Духовное образование на христианском Востоке (I–VI вв.) // Христианское чтение. 1999. № 18. С. 105–143.

⁴ Юревич Д. Современное положение Сербской Православной Церкви (80–90-е годы XX века) по материалам периодической печати // Христианское чтение. 1999. № 17. С. 114–139.

⁵ Карпук Д. Церковно-историческое наследие профессора СПбДА И.И. Соколова (1865–1939) // Христианское чтение. 2005. № 25. С. 184–202.

⁶ Иванов И. А. Г. А. Острогорский: вклад в византологию (предисловие к публикации) // Христианское чтение. 2007. № 28. С. 185–190.

⁷ Епископ, затем архиепископ Тихвинский Константин (Горянов), ныне митрополит Петрозаводский и Карельский — ректор Санкт-Петербургских духовных школ с 17 июля 1996 г. по 6 октября 2008 г.

⁸ Священник Димитрий Лушников (род. 1972 г.) — в 1998 г. закончил С.-Петербургскую духовную семинарию, в 2002 г. — С.-Петербургскую духовную академию. Кандидат богословия. С 2015 г. — заведующий кафедрой богословия С.-Петербургской духовной академии.

— Да, эта публикация появилась в № 19 за 2000 год⁹.

— И это было действительно хорошее сочинение! Хотя и ученическое, но дельное, и ему полезно было оказаться в журнале. С моей точки зрения, ученические работы имеют даже большее учебное значение, чем статьи каких-нибудь именитых авторов.

— Почему же?

— Прежде всего потому, что эти авторы зачастую загружают свои работы большим объемом ненужной информации, пишут заумным языком; там много бывает претенциозности, такую информацию очень сложно воспринимать. Поэтому читает человек такой текст, но учиться ничему не может, он этой информацией просто подавляется. Он цепенеет от почтения к человеку, который это написал, но на этом все и заканчивается. А что толку? Он ничему не научится. А ученические сочинения — они ведь чем хороши? Это, по аналогии, как разговаривать с чистым спокойным отроком: они иногда говорят очень умные, очень серьезные вещи, не обременяя себя вопросами наподобие «а как я буду выглядеть?» Поэтому читать такие тексты гораздо полезнее, в них излагается только сама мысль, и более ничего. Ничего туда не примешивается — ни желание литературной известности и славы, ни демонстрация своей эрудиции... Ничего этого нет. Поэтому ученические сочинения — я и сейчас в этом убежден — способны дать большой объем учебного материала.

— Однако сейчас студенты не очень проявляют желание публиковаться...

— Здесь, наверное, вмешиваются какие-то соображения психологические, какая-то, видимо, робость. Очень важно человеку толково объяснить значение публикации.

— Очевидно, большое значение имели бы рекомендации преподавателя. Скажем, если бы лично Вы рекомендовали студенту, ему легче было бы преодолеть свою робость...

— Да, безусловно, здесь большое значение имеет сам преподаватель! Если он видит, что написано дельно, так оно, конечно, должно непременно быть в журнале. Это полезно как для автора, так и для журнала. Потому что это и есть постепенное движение человека в его научной деятельности. Было бы хорошо надоумить преподавателей, чтобы они помогали студентам излагать свои мысли в письменном виде. Это еще и потому необходимо, что ученическая деятельность может утвердиться только путем практического навыка. Тут теоретизировать нечего. Нужно учить его письменно излагать свои выводы. Сочинение ведь зачем пишется, вообще зачем оно нужно? Для того, чтобы ученик приобрел практический навык в переводе чужих мыслей на свой письменный язык. Это парафраз.

— Очевидно, здесь многое зависит от преподавателя...

— Это уже отдельный разговор... Тут не только в журнале дело. Я, конечно, могу только догадки строить, но, как мне кажется, сейчас само гуманитарное образование обращается в невыгодную сторону. Ведь что такое гуманитарное образование в старом понимании, в XIX веке? Это выучка. Человек учит небольшое количество предметов, но учит хорошо. Сейчас это исчезло: ввели огромное количество предметов, но выучки-то нет. Сейчас как происходит — ведутся занятия в формате лекций, и на этом все, дело сделано. Прослушал, и все, на этом закончено. Даже проверки никакой нет, это просто подача информации. А ведь человек, который учится, должен

---

⁹ Лушников Д. Учение об идеях у Платона и Аристотеля // Христианское чтение. 2000. № 19. С. 165–183.

быть не информирован — он должен быть выучен. Информации сейчас полно. Сейчас интернет есть, и, в таком случае, преподавание вообще не нужно, если его воспринимать просто как подачу информации. Поэтому гуманитарное образование, правильно налаженное, должно преследовать цель выучки, а это напрямую связано с работой с письменными текстами. Нужно прививать навык письменного изложения мыслей и умение делать выводы из полученной информации. Раньше ведь как было: духовное училище — семинария — Академия. Тогда был методологический продуманный переход, который позволял студентам постепенно и логично воспринимать информацию. То есть нужно человека выучивать, а не информировать, вот и все. Учить нужно малому, но тщательно.

— Возвращаясь к «Христианскому чтению». В 1995, 2000, 2001 годах выходило по одному номеру в год, в 2002-м вышло три номера, и в 1996-м — три номера. Вы могли бы как-то прокомментировать, с чем была связана такая периодичность?

— Честно говоря, я никогда не задумывался над подобными вопросами... Могу только предполагать, что номера мы печатали по мере накопления материала... Очевидно, это был стихийный процесс.

— Наша с Вами беседа посвящена грядущему 200-летию «Христианского чтения». В столь почтенном для периодического издания возрасте каким, по Вашему мнению, должен быть журнал?

— Вы хотите, чтобы я фантазировал? Дело в том, что для меня всегда непревзойденным образцом были дореволюционные журналы. Образцом учености, в первую очередь. Когда журнал возродили, он издавался как «Вестник Духовной академии», который впоследствии стал называться «Христианским чтением»¹⁰. Если бы меня спросили, — ни в коем случае не стал бы переименовывать журнал. Пусть бы «Христианское чтение» осталось там, в истории.... Ну а сейчас... Тут даже фантазировать нечего. Все формальные требования соблюдены? Это главное.

¹⁰ Издание журнала в 1990 г. было возобновлено Ленинградской духовной академией и семинарией под названием «Вестник Ленинградской Духовной академии».

— И все же, с Вашей точки зрения, чего хотелось бы от журнала?

— Я скажу, что нужно, по-моему, сделать. Нужно, чтобы печатаемые тексты не отличались многословием. Статьи должны быть лаконичными, это должен быть голый научный материал. К сожалению, приходится замечать, люди думают, что если мало говорить, то человек неумен, а если много говорить, то человек умнее. Ты должен излагать исключительно научный материал, поэтому просто укажи, откуда ты его взял, проведи анализ аргументов и напиши выводы. Вот это самое главное. Многословие должно быть исключено — оно сбивает с толку, люди ничего не понимают... Студенты почему плохо пишут? Они подавлены, они читают умные тексты, в которых очень много слов, но им тяжело их воспринимать. И студент задается вопросом, «не дурак ли я?» Я ведь еще почему так сужу... Раньше студенческие сочинения не были многословными, а сейчас требуют от семинарских курсовых чуть ли не двести страниц. Что там можно изложить? Какой смысл? Тексты должны быть ясными и содержательными. Нужно стремиться к этому. У нас все признаки учености были выработаны до революции. Потом произошло крушение гуманитарной, словесной культуры, произошла деградация. Остались лишь следы от старой учености, от старого стиля; ученый язык исчез, богословский язык исчез. Я убежден: сейчас мы можем ориентироваться только на старые журналы как на образец, возвращаться к истокам.

* * *